

Ката – феномен традиции Будо-каратэ

Изменчивые «формы» и универсальный принцип

В изучении традиционного каратэ, в осмыслении сущности воинских искусств Дальнем Востока и их места в общекультурном контексте не миновать такого характерного и устойчивого феномена, как *ката*. В Японии, ката, т.е. «формы», являются типичным и образцовым средством изустной передачи многих традиций – ремесел, «мирных» и воинских искусств. В числе последних находится и Будо-каратэ.

Внешне ката представляют собой закреплённые традицией *комплексы боевых приемов*, в которых *условно символически воспроизводятся бои «с теньями» нескольких противников*. Однако поверхностный взгляд на ката никак не отражает той высокой значимости, которую традиционные «формы» сохраняют в школах воинских искусств. На то есть серьезные причины, поскольку ката непосредственно вовлечены в процесс передачи воинских традиций и воинской культуры в целом. Значимость же ката возрастает там, где понятие «ремесла» возвышается до понятия «искусства», а понятие «искусства» – до понятия «Пути». Известно, что Будо, или «воинский Путь», – экстремальный путь самопознания, – определил одно из магистральных направлений в духовной жизни Японии. Приметными вехами на этом пути и являются ката.

В традиционном каратэ *ката* выступают неотъемлемым элементом базовой триады «школьного» обучения наряду с *кихоном* (выполнение нормативной техники без партнера) и *кумитэ* (условные и свободные учебные схватки). В разных школах и стилях есть ката, происхождение которых возводят к старым мастерам. Ради сохранения почитаемых традиций и в целях обучения ката систематизируются и канонизируются. Установленные нормы исполнения «форм» делают их своего рода стилевыми «визитными карточками» школ. В ката наглядно выражены стилевые особенности и технико-тактические приоритеты национальных и региональных воинских традиций (окинавских, китайских, корейских и иных).

Однако ценность ката несводима к проявлению стилевых канонов и не ограничена значимостью собранных в них боевых приемов. Недаром мастера Будо склонны мифологизировать, идеализировать и даже обожествлять ката, особенно освященные авторитетом древности. Речь, например, может идти о «божествах Сантин», одухотворяющих знаменитую «форму» и помогающих тем, кто стремится проникнуть в ее глубины. В подобных представлениях видны следы архаического сознания и целостного магического мировоззрения, устанавливающего взаимосвязи явлений на всех планах бытия.

Одна из причин серьезного отношения к ката состоит в том, что в них действительно обобщен и закодирован опыт многих поколений носителей традиции. В известном смысле ката – «тайные послания» мастеров. Однако их ценность состоит в передаче не столько личных «секретов» создателей, сколько универсальных принципов воинского ремесла, искусства и духовных практик, относящихся к воинской йоге. Как таковые ката входят в золотой фонд культурного наследия Востока, а в процессе распространения искусств Будо в мире становятся также всеобщим культурным достоянием.

Развитие восточных единоборств как видов спорта дало жизнь новой дисциплине. В международных организациях, представляющих виды традиционного каратэ, ныне проводятся национальные чемпионаты и чемпионаты мира не только по кумитэ, но и по ката. Конечно, в условиях обособления спортивных дисциплин и коммерциализации спорта сохранение и полноценное освоение традиционных «форм» превращается в серьезную ком-

плексную проблему, в том числе в самой Японии. Помимо собственно технических она имеет идеологические и духовно-нравственные аспекты, затрагивая, в частности, специфическую духовную мотивацию, которая характерна для Будо, но никак не для спорта. Идеология и философия Будо в целом чужда массовому сознанию и во многом противоречит идеологии и практике современного спорта. Привычная ориентация на чистый спорт в восточных единоборствах закономерно влечет непонимание, и даже неприятие ката.

Вместе с тем для относительно немногочисленных приверженцев традиции Будо-каратэ и философии «воинского Пути» ката сохраняют непреходящую ценность. Они остаются неиссякаемым источником практических знаний в области самозащиты и хранилищем универсальных принципов Будо. В этом параллельном спорту мире ката продолжают существовать как живая развивающаяся традиция, которая обогащаясь и новыми образцами, и современными формами осознания. Жизнеспособность данной традиции имеет не только субъективные, но и объективные предпосылки. Ката – феномен, где отчетливо выражено действие общих механизмов культуронаследования, обеспечивающих изустную передачу знаний в сугубо практических сферах деятельности.

В воинских искусствах письменные тексты, предназначенные для обучения (теоретические трактаты, методические пособия и иные инструктивные материалы), имеют второстепенное значение. В ката, как и в воинских танцах, «вживую», – наглядно и привлекательно, – воспроизводятся элементы боевого опыта мастеров. Ката содержат ключевые формулы движений, в которых закодированы не только приемы, но в обобщенном виде представлены также универсальные принципы искомого единения «тела, техники и духа». Движущиеся «формы» – это своего рода «иероглифические тексты», которые периодически воссоздаются мастерами в трехмерном пространстве и разворачиваются в обозримых для восприятия единицах времени. Как таковые ката имеют активно-медитативную природу и являются уникальным формализованным и ритуализованным средством обучения, а также познания и самопознания на воинском пути.

Ритуальное начало роднит ката с воинскими танцами, которые в глубокой древности выполняли культовое и магическое предназначение и поныне сохраняются в фольклорных традициях. Однако ката имеют специфические отличия от реликтовых форм боевых танцев, например, от ритуальных танцев с оружием у африканских племен или танцев народов Европы, где и при отсутствии оружия легко обнаруживаются элементы боевых приемов. Ката, как и народные танцы, сохраняют некоторые черты архаических магических ритуалов, но имеют более специальное предназначение. Ката приспособлены именно для обучения и воспитания мастеров Будо, адептов «воинского Пути». Они существуют не сами по себе, а в общей системе боевой подготовки, где и обнаруживают технические, психотехнические и духовные аспекты своего содержания.

Благодаря использованию ката в традиционных воинских искусствах Востока надежно закреплялись универсальные принципы и определенные архаические формы изустной передачи знаний. На Западе же по мере технического прогресса традиционные формы обучения воинов за ненужностью постепенно отмирали, хотя и оставляли следы в памяти народов. Энтузиасты, возрождающие национальные виды борьбы, не случайно обращаются к танцевальным жанрам фольклора. И норвежский спрингар, и украинский гопак, и танцы с оружием у народов Кавказа дают для этого основания, напоминая о далеком прошлом. Примечательно, что на Западе ритуализованные аналоги ката, использовавшиеся в воинской подготовке, существовали уже в античную эпоху, тогда как на Востоке феномен ката образовался во времена Средневековья. С тех пор ката обнаруживают удивительную живучесть в искусствах Будо, которые ныне получили широкое распространение.

Жизнеспособность восточного феномена ката обусловлена целым комплексом причин, в том числе сочетанием практической целесообразности, эстетической привлекательности и духовной сверхценности традиционных «форм». В мастерском исполнении красота ритмизованных и гармоничных «форм» завораживает и «восхищает дух» даже сторонних наблюдателей. В воинских искусствах ката выступают в качестве общезначимых культурных образцов, позволяющих передавать не только технические каноны воинского искусства, но в некоторой мере энергетику старых мастеров и сам дух Будо.

Никакие инструктивные письменные тексты, имеющие хождение на Западе в сферах практической деятельности, принципиально не решают подобные задачи. Между тем на Востоке принцип ката является всеобщим. Он успешно реализуется в видах деятельности, где доминирует устная традиция обучения и где сама деятельность приобретает духовное измерение. И в воинских искусствах, и в таких одухотворенных «мирных» искусствах, как музыка, живопись, театр, чайная церемония, используются «формы», которые выполняют не только прикладные, но также *инициативные* функции. Они способствуют приобщению неофитов к ремеслу, а затем и их посвящению в сокровенное духовное содержание традиции.

Многоликость феномена ката в воинских искусствах затрудняет его понятийное определение, требующее учета многих классификационных оснований и критериев. Есть, однако, приметные ориентиры, которые с разных сторон характеризуют данный феномен.

Во-первых, традиционно значимым является генезис или псевдо-генезис «формы». Происхождение ката часто возводят к определенной авторитетной школе, к ее основателю или выдающемуся мастеру. Генезис ката нередко мифологизируется и даже сакрализуется, поэтому и сама «форма» нередко нагружается поэтической образностью, философским смыслом и сакральной символикой. Кстати, подобное выражение сверхценности священных образцов, предназначенных для ритуального воспроизведения и подражания, является общей и характерной приметой архаических традиций, как на Востоке, так и на Западе.

Во-вторых, поскольку ката внедрены в процесс традиционной воинской подготовки, внешним отличительным признаком оказывается преобладающий состав их исполнителей. Индивидуальное исполнение ката можно сравнить с сольным боевым танцем. Современное командное исполнение ката на спортивных соревнованиях в составе 3 человек образует своего рода камерный ансамбль, воспроизводящий «форму» синхронно и в унисон. Данная практика не противоречит традиции, где синхронное групповое («унисонно-хоровое») исполнение ката на тренировках является обычным делом.

Между тем боевой опыт мастеров, запечатленный в ката, извлекается из борьбы с реальными противниками. Поэтому приемы такого взаимодействия в дидактических целях тоже подвергаются формализации. Так, в китайских ушу, наряду с комплексами, предназначенными для индивидуального исполнения, используются протяженные парные «формы», воссоздающие образцовый ход борьбы. Вообще, в китайском военном деле принцип ката и в древности находил разнообразное выражение, вплоть до формализации способов изменения боевых порядков в армиях. Конструктивной основой для этого, в частности, служила универсальная символика триграмм и гексаграмм «Книги перемен», о чем увлекательно повествует средневековый китайский роман «Троецарствие».

В-третьих, чисто дидактические аспекты использования ката в воинских искусствах позволяют классифицировать их по степени сложности, прежде всего технической, но также психотехнической (касающейся, например, контроля дыхания и реализации медитативного плана «формы»). Условно принято различать базовые, усложненные и высшие

ката. Особую группу составляют дыхательные ката (сугубо медитативные, энергетические комплексы), исполняемые в медленном темпе. В высших ката нередко комбинации, выполняемые медленно и с силой, чередуются с численно преобладающими техниками, выполняемыми со скоростью борьбы.

В-четвертых, в традиционных школах, культивирующих искусство «пустой руки», в учебных целях еще практикуются ката с различными видами оружия. Это могут быть «формы», заимствованные из соответствующих дисциплин в семействе кобудо, или (как ныне в школе Кёкусин ИФК) адаптированные варианты базовых комплексов каратэ.

Типологизация и классификация ката остается открытой не только потому, что конкретно-исторические типы и виды «форм» многочисленны и нередко смешиваются. Сама природа феномена, обозначаемого японским термином «ката», универсальна и выходит далеко за пределы отдельного исторического периода. Корни данного феномена уходят в глубокую древность, где обнаруживается принципиальное родство многих архаических культур и, соответственно, встречаются прообразы или прототипы ката, ныне бытующих на Востоке. Для такого родства есть вполне объективные исторические предпосылки, о чем можно судить, в частности, по реликтам архаических культур в фольклорных традициях и по тому, что известно о древнейших формах культовой практики и связанных с ней системах воинского воспитания.

Наиболее близки ката танцевальные жанры, сохраняющие рудименты магической и инициатической практики. Таковы танцы охотников, воинов и шаманов у разных народов мира. Уникальный аналог развитой танцевальной формы, предназначенной для ритуального группового исполнения, существовал во времена Античности. Речь идет о пиррихе – воинском танце с оружием, о котором сохранились мифоисторические сведения и свидетельства древних авторов. Пирриха была связана как с богослужением, так и с воинско-атлетической подготовкой и, вероятно, имела отношение к архаической ритуальной воинской йоге.

Пирриха была унаследована древними греками от дорийцев. В Афинах танец получил распространение после 6 в. до н.э. и очень рано был включен в богослужебную программу Панафиней. Согласно мифам, первой пирриху исполнила богиня-воительница Афина в честь победы над титанами. По другой версии, пирриху ввел сын Ахилла Неоптолем («юный воин»). Танец исполнялся под аккомпанемент флейты тремя группами участников: мужчинами, безбородыми юношами и мальчиками. Это отражало реальную причастность всех возрастных групп к ритуализованной воинской подготовке. В основе ее среди прочего лежал принцип формализации специальных знаний и двигательных навыков, тождественный принципу ката.

Афинский философ Платон прекрасно осознавал как богослужебную функцию исполнения пиррихи на Панафинях, так и реальную связь «воинственной пляски», или «вооруженной игры», с воинской практикой. Мыслитель видит высший смысл данного ритуала в воинском богоуподоблении и призывает подражать Афине, исполняющей воинский танец в сиянии божественного вдохновения. Но одновременно опытный атлет и воин относит пирриху к разновидности «серьезных плясок», где имитируется бой с оружием. Это атакующие и защитные действия с нанесением ударов, уклонениями, прыжками, стрельбой из лука и метанием дротиков. Согласно Платону, в пиррихе воспроизводятся «движения красивых тел и мужественной души на войне или в тягостных обстоятельствах».

Столь же серьезный духовно-практический и философский подход утвердился в традиции воинских искусств Востока в отношении к ката. Однако позиция мастеров Будо

вступает в известное противоречие с практикой так называемых восточных единоборств. В одних случаях ката за ненадобностью просто изымаются из системы комплексной подготовки спортсменов. В других случаях, оставаясь одной из основ воспитания бойцов в традиционных школах, ката параллельно обособляются в относительно самостоятельную спортивную дисциплину, что создает ситуацию непростого выбора.

Ката в диалоге традиционного Будо и современного спорта

Взаимодействие Будо и спорта – драматический диалог двух совершенно разных видов практической деятельности и систем ценностей. Для приверженцев Будо-каратэ, вовлеченных обстоятельствами в спортивную деятельность, данная ситуация достаточно противоречива, порой конфликтна. Однако она не безнадежна, если есть воля к сохранению традиционных ценностей Будо и способность извлекать уроки из истории в поиске компромисса с требованиями спорта.

Исторический опыт подсказывает, что обособленное культивирование ката ради одних лишь спортивных достижений толкнуло бы традиционное каратэ на путь культурной и духовной деградации. Об этом наглядно свидетельствует эволюция дзюдо. Современное спортивное дзюдо давно утратило связь с той системой физического и нравственного воспитания бойцов, которую создавал Дзигоро Кано, лишилось самого духа и философской глубины «дзэнского вида борьбы».

В европейской истории нагляднейшим аналогом служит духовная деградация древних Олимпийских игр. Этот процесс занял несколько столетий и протекал с нарастающим драматизмом. Толчком к нему послужило отделение территории стадиона от святилища, за чем логично последовало постепенное обособление спортивной деятельности от культовой практики, а далее – прогрессирующая коммерциализация и политизация античного спорта. Современные же Олимпийские игры – почти всецело феномен именно такого спорта. Они сохранили лишь условную и чисто внешнюю символическую связь с древними Олимпиадами, пробуждающую смутные (для кого-то, быть может, ностальгические) воспоминания о высших религиозных и духовно-нравственных ценностях эпохи архаики.

Поиск разумного компромисса между развитием ката как самостоятельной спортивной дисциплины и сохранением собственно школы Будо-каратэ – отдельная тема для дискуссии. Перспективным могло бы стать, например, культивирование Будо-спорта, т.е. спортивной деятельности с приоритетом традиционных ценностей. Чисто спортивная мотивация молодежи к высшим достижениям в соревнованиях по ката при таком подходе могла бы тогда стать одним из проявлений духа «благородной состязательности», характерного для древних Олимпиад, или «рыцарского духа», присущего благородным воинам, как на Западе, так и на Востоке.

С позиции Будо-спорта спортивная мотивация на ранних этапах становления личности бойца вполне допустима как внешний стимул к достижению подлинного мастерства на долгом пути самосовершенствованию и самопознания. Опыт показывает, что мотивационно сбалансированная подготовка к соревнованиям по ката (по необходимости серьезная) становится важным фактором для развития традиционной школы. Она стимулирует технический рост учеников, способствует повышению их стилевой квалификации и нередко пробуждает интерес к традиционным ценностям Будо. Приоритет этих ценностей в Будо-спорте служит своего рода «культурной прививкой» против гордыни самомнения и тщеславия. Такая «прививка» может повышать духовно-нравственный иммунитет спортсменов, помогая сопротивляться пагубной зависимости от спортивных результатов и связанных с ним материальных благ (наград, титулов, званий).

Для последователя Будо-каратэ, участвующего в спортивных состязаниях, в том числе по ката, благотворным для развития личности будущего мастера мог бы стать **мотив преодоления испытаний и самореализации в честной борьбе**. Такие испытания и такая борьба, выходящие далеко за рамки спорта, в сущности, имеют **инициативную природу**. С одной стороны, они способствуют мобилизации всех физических и духовных сил человека, укрепляя волю к победе в состязании с достойным соперником и в борьбе с са-мим собой. С другой же стороны, укрепляя боевой дух, они ведут к искомой в практике Будо гармонии с миром, к достижению «невозмутимого» состояния сознания. Именно таким сознанием обладали посвященные мастера на Востоке, хорошо знавшие, что «победа и поражение – обычное дело для воина»...

Пути эволюции ката в школе Кёкусинкай

Ката в совокупности – наиболее консервативная часть живой традиции Будо-каратэ. Однако и эти «формы» подвергаются изменениям, особенно в школах, где осуществляются реформы и стилевой синтез. Одной из наиболее динамично развивавшихся во второй половине 20-го столетия школ стала школа Кёкусинкай. Ее основатель, Масутацу Ояма, прославился как выдающийся боец, а не мастер исполнения ката, однако, по свидетельству ханси Стива Арнейла, он хорошо знал традиционные «формы» разных стилей каратэ и умело адаптировал их к своим нуждам. Ояма заимствовал ката из Сётокана и Годзю-рю, поскольку обучался там сам и находился под продолжительным влиянием присоединявшихся к нему мастеров из этих школ. При этом он противился формальному использованию ката, стремясь привести их в соответствие с возросшими требованиями к подготовке бойцов.

Создавая школу «сильнейшего каратэ», Ояма стремился к возрождению духа Будо и возвращал каратэ к реальности опасных поединков. Он упорно отстаивал выстраданный им принцип дзэнской философии борьбы «на грани жизни и смерти». Реформаторская деятельность Оямы всецело отвечала максимализму его характера. Наиболее ярко это выразилось в популяризации концепции Будо-каратэ, в культивировании динамичного, силового стиля ведения полноконтактных боев, в разработке экстремальных методов боевой подготовки и, наконец, в специфическом подходе к ката.

Заимствованные из окинавских школ ката не только обогащались новыми техниче-скими элементами, но также приобретали особый динамизм и напор, свойственные агрессивному стилю Кёкусинкай. Таковы ката школы Сётокан – группы *Тайкёку*, *Пинан*, а также *Канку дай*. Таковы заимствованные из Годзю-рю высшие ката *Сэйентин* и *Сэйпай*, а также дыхательные ката *Сантин* и *Тэнсё*. Две последние «формы», особенно Тэнсё, стали своего рода «визитными карточками» школы Кёкусинкай и самого Масутацу Оямы. Однако их значение шире. На уровне первопринципов и универсальных формул *Сантин* и *Тэнсё* несут обобщенный опыт и знания мастеров, психоэнергетический и духовный потенциал живой традиции Будо-каратэ.

Помимо заимствованных и видоизмененных ката в школе Оямы разрабатывались и новые комплексы. Некоторые из них были производными усложненными вариантами базовых «форм». Так, на основе ката Гэкисай дай, заимствованной из Годзю-рю, был создан комплекс Гэкисай сё. Иные ката были совершенно новыми и наиболее отчетливо воплощали характерные черты стиля Кёкусинкай. Так, несложное Цуки но ката откровенно выражает разрушительную мощь каратэ Оямы, а высшее ката Гарю, якобы созданное самим мастером, напротив, воплощает принцип тактической гибкости и разнообразие боевых приемов. Вместе обе эти «формы» дают наглядное представление о единстве противопо-

ложностей – силы и гибкости (по-японски, «го» и «дзю») в Будо-каратэ. Идея гармонии силы и гибкости заложена и в ката Янцу.

Постепенно все ката (и традиционные, и новые) приобрели в Кёкусинкай единый стилевой облик, определив в совокупности стилевое лицо школы. Однако эволюция ката Кёкусинкай была обусловлена не только очевидными внешними (техническими) или более скрытыми внутренними (концептуально-смысловыми) факторами. Большое значение здесь имели сугубо дидактические задачи и соответствующие методики обучения. Ояма стремился приспособить ката к нуждам комплексной подготовки бойцов, главной целью которой было единение «тела, техники и духа». Практика ката в «старой школе» стала одним из эффективных инструментов воспитания мастеров Будо.

Ояма понимал, что изучение ката существенно развивает воображение и мышление учеников, а освоение ката является одним из факторов не только технического и стилевого, но и духовного единения школы. Мастер стремился к идеальной сбалансированности в занятиях кумитэ и ката – на то и другое отводилось по 50% времени. Однако главным, естественно, была не столько количественная, сколько качественная сторона сочетания двух типов тренировки.

Любимой «формой» Оямы, как известно, было Тэнсё, которое он исполнял в двух вариантах. Для установления правильного дыхания и развития текучести движений он практиковал Тэнсё в медленном темпе с силовым дыханием Ибуки. Скоростной режим исполнения Тэнсё и соответственно модифицированная техника предназначались для драки (Кэнка).

В школе Кёкусинкай ката служили устойчивыми образцами и конструктивной основой для многочисленных учебных «вариаций на тему». Ояма, например, удачно использовал разнообразные производные варианты ката из групп Тайкёку и Пинан. Так, характерная для Кёкусинкай техника «вертушек» (с ударами усиро-гэри и усиро маваси-гэри), получала опору и закреплялась в вариантах тех же ката, выполнявшихся в форме «ура», т.е. с поворотами через спину. Некоторые из них были унифицированы и вошли в программные нормативы школы.

Разными способами Ояма приспособлял ката к решению конкретных задач спарринговой подготовки учеников. Пожалуй, лучшим тому примером может послужить комплексная программа подготовки молодого Стива Арнейла к 100 боям. Соответствующая методика (помимо спаррингов, кондиционных и медитативных упражнений) включала исполнение традиционных «форм» и их специфических модификаций, отвечавших техническим требованиям ведения контактных поединков. В одном случае, например, в «тексте» ката удары руками заменялись ударами ногами при сохранении классических стоек, в другом все ката выполнялось в боевой стойке с адаптированной формой техники, в третьем – сохранялись все классические стойки и техники рук, но при многократных повторениях ката удары ногами последовательно заменялись другими и т.д. Как известно, Стив Арнейл не только первым успешно выдержал тест в 100 боев, став впоследствии выдающимся лидером в мире Кёкусинкай, но и сыграл историческую роль в систематизации и стилевой унификации ката школы Оямы.

Эволюция ката в «старой школе» происходила вместе с ростом популярности «сильнейшего каратэ», созданием и становлением международной организации Кёкусинкай. В этих условиях чрезвычайно возрастала потребность в создании единой технической базы школы и приоритетных методов обучения, учебной программы и квалификационных нормативов. В необходимом упорядочении фундамента школы важнейшим фактором ста-

ли отбор, систематизация и унификация ката. По поручению Оямы эту работу успешно осуществил Стив Арнейл.

В середине 80-х годов в Великобритании вышла в свет книга Стива Арнейла, посвященная ката Кёкусинкай. Этот обобщающий труд фактически знаменовал завершение этапа становления школы и способствовал ее самоидентификации на единой стилевой и основе. Издание стало своего рода «библией», наглядно утверждавшей принятые основателем каноны школы. Зафиксированные в книге «тексты» ката Кёкусинкай образовали материальное ядро школы Оямы, которое не только позволяло упорядочивать обучение, но и способствовало осмыслению самого феномена ката, осознанию его значимости для консолидации школы Будо-каратэ. Позитивный вклад Стива Арнейла в данный процесс особенно заметен в исторической перспективе.

История каратэ Кёкусинкай демонстрирует разные подходы в развитии родственных школ и направлений. Воспитанники Оямы, создававшие и при его жизни, и после его кончины свои международные организации на базе стиля Кёкусинкай, пошли разными путями. Это особенно хорошо видно на примере отношения к ката – наиболее традиционной части наследия «старой школы». Асихара значительно ослабил связь с традицией, поскольку вообще отказался от традиционных «форм», заменив их стандартизованными боевыми комбинациями, выполнявшимися с партнером. Мацуи и Рояма привнесли в ката Кёкусинкай множество технических и даже стилевых изменений. В школе Роямы ныне стилевой облик ката, утративших характерный для Кёкусинкай динамизм, выдает влияние наставников из Ситорию, откуда к тому же заимствуются и дополнительные «формы». Фактически лишь ханси Стив Арнейл, создавший Международную Федерацию Каратэ (IFK), остается прямым наследником и продолжателем традиции «старой школы» Оямы.

Совокупный комплекс ката Кёкусин IFK выступает своего рода «порождающей моделью» в общей системе подготовки бойцов. Примечательно, что претенденты на степень 3-го дана обязаны, следуя канонам школы, представить собственные ката на экзамене, а потом еще публично их исполнить. Вот почему, по словам ханси Стива Арнейла, «в школе IFK столько ката, сколько мастеров, удостоенных звания сэнсея». Кроме того все ката, входящие в программу IFK, теперь планомерно адаптируются для работы с традиционными и современными видами холодного оружия на базе каратэ. Это отвечает комплексной природе самозащиты в искусствах Будо и значительно повышает эффективность обучения.

С начала 2000-х годов в IFK поэтапно внедряется факультативная программа по работе с шестом, дубинкой, ножом, саями, нунтяку и тонфами, где, среди прочего, традиционные ката каратэ выполняются с оружием. При этом сохраняется оригинальная «текстовая» основа, а технические элементы модифицируются с учетом специфики того или иного вида оружия. Сам подход к использованию традиционных «форм» в качестве универсальной базы для воинской подготовки в принципе не нов. Он восходит еще к эпохе самураев. Однако сейчас открываются новые перспективы для развития разветвленного комплекса Будо-каратэ на единой технико-стилевой и методической основе.

Концепция ката как феномена традиции Будо-каратэ

Глубина содержания понятия «ката» просматривается уже сквозь призму термина, причем на разных планах.

Коренное значение слова «ката» – «форма». Данное понятие имеет три смысловых аспекта:

- 1) **проявление** и одновременно **сокрытие** определенного содержания, организованно-го благодаря «форме»;
- 2) характерный **облик** содержания, который обусловлен особенностями «формы»;
- 3) наделение устойчивой, привлекательной и совершенной «формы» значением **«модели»**, или **«образца»**.

Неисчерпаемость феномена ката в воинской культуре Востока позволяет соотносить коренное значение «формы» с понятиями **«матрицы»** и **архетипа**. Это значит, что посредством ката мастера Будо оформляют свой опыт «по образу и подобию» того, как это делали предшественники.

Данный подход приоткрывает глубинные смыслы понятия «форма», которые заложены в термине «ката» и которые реализуются в живой практике обучения воинским искусствам. Во-первых, «ката», как некий универсальный принцип, выступает общезначимым **способом выражения и кодирования** внутреннего содержания деятельности. В практике Будо-каратэ это содержание охватывает технические, психотехнические, психоэнергетические и собственно духовные аспекты. Во-вторых, «ката» отождествляется с **«моделью»**, которая понимается как **освященный традицией образец для подражания**. Постоянное воспроизведение образца имеет главной целью адекватное воссоздание и постижение опыта старых мастеров, полноценное освоение и осмысление накопленных ими знаний. Обретение таких знаний позволяет наследникам традиции, в свою очередь, создавать аналогичные новые «формы», что обеспечивает необходимую преемственность в обучении, приумножает достояние школ и выступает одним из факторов их развития.

Феномен ката в традиции Будо-каратэ изначально и устойчиво связан с изустным характером обучения, с необходимостью надежной передачи ценнейшей информации. Этим в значительной мере определяются типовые структурные основы ката, общие принципы кодирования информации, специфические закономерности в организации внеписменного «текста» и планов содержания ката – **внешних**, доступных для наблюдения, и **внутренних**, постижимых лишь духовно-опытным путем.

Внешний уровень организации ката удобно описывать через триаду категорий, которые используются при анализе произведений временных искусств, например, музыкальных, танцевальных или драматических жанров. Это **структурно-функциональные** категории композиции, синтаксиса и фактуры.

Композиция ката –пространственно-временная организация движения на основе заданного плана перемещений со стилизованной имитацией боевых действий. **Синтаксис** в ката – способы комбинирования боевых приемов, представленных в своей нормативной форме. **Фактура** ката – сам материал, т.е. воспроизводимые телом элементы техники и фазы движения, связующие и переходные элементы «формы».

Многие средства направлены на то, чтобы обеспечивать структурную целостность ката и облегчать запоминание «текста». Для ката типичны различные виды композиционной симметрии, ритмические повторы элементов и комбинаций, своего рода «рифмы» из сходных элементов и иные мнемонические средства. На разных уровнях «формы» действует принцип цикличности, вплоть до возвращения в исходную точку. В традиционных методиках освоения ката, – не только отдельных «форм», но и целых групп, – целенаправленно используются также дополнительные мнемонические приемы. Характерный метод применяет, например, ханси Стив Арнейл. После освоения учениками ката группы Тайкё-

ку и Пинан он дает задание воспроизвести своего рода «тематическое оглавление» всего репертуарного списка – своего рода «конспект», составленный из начальных симметричных фрагментов всех ката, которые объединяются в единый цикл и чередуются в установленном порядке.

Внутренний уровень организации ката – это *психоэнергетический* уровень исполнения-переживания движущейся «формы». Он обусловлен медитативным воссозданием в «боевом танце» ощущения реальности действия. На данном уровне освоения и постижения ката на первый план выходят факторы ритма дыхания, присутствия духа, волевого посыла, направленной силы. Энергетика мастера проявляется и в быстрых, и в медленных движениях. Во вдохновенном исполнении ката правда о состоянии сознания мастера обнаруживается в его взрывной реакции, в стремительных перемещениях и движениях, в огненном взгляде и воинственных криках. Язык тела и выражение лица естественным образом являют внутреннюю силу и концентрацию боевого духа.

В данном отношении ката выступают особой разновидностью активной медитации и способом психорегуляции. Как таковые эти «формы» нацелены на достижение измененных состояний сознания. Искомые состояния обозначаются понятиями «боевого транса», «пустого сознания», выражающими специфические психофизиологические, психоэнергетические и философские аспекты воинской йоги. В усложненных и высших ката Кёкусинкай предусмотрены и необходимая психологическая настройка на предстоящее действие в начале «формы», и перестройка сознания после ее завершения. Для этого используется стандартное комбинационное «обрамление»: начала и концовки таких ката включают канонизированные варианты пассивной медитации с закрытыми глазами (в стойке мусубидати).

Поскольку ката традиционно соотносятся с высшими духовными ценностями, они нередко описываются в мифопоэтических и философских категориях. Тем самым их осознание выводится на самый общий **образно-символический и понятийно-смысловой уровень**. На этом уровне может быть выявлена общая логика в процессе кодирования содержания ката, подчиненная принципу движения от внутреннего к внешнему. Изначально образно-поэтические и философско-символические представления, обобщенно связанные с ката, коренятся в реально пережитых мастерами состояниях «боевого транса», в соответствующем духовно-опытном знании, которое и отливается в движущуюся «форму». Прозрение духовного смысла ката нередко бывает связано со спонтанно возникшим ярким образом, от которого оно направляется к «идее», или «первообразу», и далее – к интеллектуальному, философскому осознанию непостижимости «высшей реальности». В даосско-дзэнских категориях она ассоциируется с «Великим Пределом», т.е. с Первопринципом.

На том же уровне проявляется и логика в процессе декодирования содержания ката, которая подчинена принципу движения от внешнего к внутреннему. О сокровенных глубинах ката косвенно свидетельствуют традиционные сюжетные, технические, мифопоэтические или философские намеки и подсказки. Обычно они содержатся уже в названиях традиционных «форм».

Так, 3 базовые ката группы Тайкёку в простейшем материале воплощают важную дидактическую идею «широкого обзора» возможностей техники каратэ для самозащиты, а также ключевых принципов самозащиты. Однако понятие «широкий обзор» коренным образом связано с философской идеей «Великого Предела», которая указывает на духовную цель воинского Пути – на постижение «Абсолютной истины». Центральная группа, состоящая из 5 ката Пинан, символизирует «мир и покой», или «гармонию и покой», т.е.

то состояние духа, к которому стремятся приверженцы Будо-каратэ и которое отличает больших мастеров.

Знаменательно, что ключевые философские идеи и символы школы Кёкусинкай восходят к названиям и символической образности именно традиционных ката. Вначале название «Канку» («взгляд в Небо»), соотношенное с ритуальным жестом (известной медитативной позицией рук для «созерцания Неба»), послужило истоком для философской трактовки главной эмблемы (сохранившей название ката) школы Масутацу Оямы. Впоследствии название «Сайха» («великое разрушение»), соотношенное ханси Стивом Арнейлом с весьма насыщенным философским символизмом «большой волны», послужило предпосылкой для создания эмблемы IFK.

Подобные идеи и живые образно-символические представления открывают восприимчивым традициям путь к глубинному постижению феномена ката. Они ненавязчиво вовлекают изучающих каратэ в процесс самопознания, в немалой мере влияют на осмысленное и одухотворенное исполнение традиционных «форм». Последнее же в идеале имеет высшей целью переживание состояний «боевого транса» и обретение мастером соответствующего духовного опыта – опыта воинской йоги.

Отсюда можно сделать важный вывод. ***Поскольку ката являются плодами деятельности выдающихся мастеров Будо и как таковые становятся достоянием традиции, они являют собой своего рода «печати» их просветленного сознания.*** Характерный образный символизм в названиях ката, преобладающая наглядность и выразительность традиционных методов в обучении ката прямо или косвенно указывают на содержание духовного опыта и специальных познаний носителей традиции. В сущности же, ***совокупное знание мастеров воинской йоги, – от духовных высот воинского искусства до глубин воинского ремесла, – является универсальным и общезначимым.*** Традиционные «формы» служат для кодирования и декодирования такого знания, для его сокрытия и откровения, они ведут к осознанию фундаментальных принципов философии борьбы и способствуют освоению боевых приемов.

Ката Кёкусинкай – сокровищница Будо-каратэ

Полнота представлений о феномене ката в Будо-каратэ всецело зависит от понимания сущности каратэ в традиционной культуре, которая несводима к отдельным аспектам боевой подготовки и воинской практики. Эта сущность выражается ***триединством воинского ремесла, искусства и Пути.*** Воинское ремесло обычно определяют как «искусство убивать». Однако прежде всего это искусство самозащиты, а в более широком понимании – «искусство выживать».

Практика Будо-каратэ – это школа выживания, культивирующая воинский дух, формирующая сознание воина и концентрирующаяся на владении боевыми приемами. Ката традиционных школ каратэ являются подлинной сокровищницей не только отдельных оригинальных технико-тактических элементов, но также ключевых формул боя и универсальных принципов самозащиты. Этим в немалой мере и определяется потенциал ката, где изначально заложена вариативность спонтанного применения типовых приемов в постоянно меняющихся условиях боя.

Поскольку ката являются детищем устной традиции в передаче боевого опыта и знаний выдающихся мастеров, то они обладают и ярко выраженными индивидуальными особенностями. Но для всех ката характерны внешняя привлекательность и методическая целесообразность, должная мера обобщенности и условности. Согласно законам жанра,

«текст» ката помимо значимых смысловых элементов техники и тактических принципов включает также чисто связующие и переходные элементы. Они скрепляют «текущую форму», приносят в нее ритм, гармонию и красоту боевого танца.

Внешняя привлекательность ката облегчает их запоминание и освоение. Аналогичным образом в древности наиболее важные письменные культовые тексты и даже научные трактаты облекались в ритмизованную стихотворную форму, что облегчало их запоминание и точную передачу содержания. В ката ритмически упорядоченные и гармоничные движения подобны ожившим иероглифам. Двигаясь в боевом танце и находясь в состоянии активной медитации, мастер зримо воплощает образы и символы своего искусства в пространстве условного боя. Освоение ката требует адекватного медитативного настроения и предполагает достижение измененных состояний сознания. Постепенно в ходе тренировок, размышлений и по мере обретения бойцовского опыта мастерам открываются глубины ката.

Постижение закодированных в ката возможностей для самозащиты никак не может быть сведено к так называемым «бункай» – трактовкам боевого предназначения определенных техник и комбинаций в строго определенных и достаточно условных ситуациях противостояния нескольким противникам. К тому же количество таких комбинаций в каждой «форме» невелико, да и в совокупности всех ката (пусть даже многих школ) оно все равно образует конечную величину. Между тем мастера всегда почитали ката как поистине бездонный клад знаний в области воинских искусств. «Обожествление» ката Сантин, казалось бы, примитивной «формы», служит тому подтверждением.

В классическом медленном исполнении ката Сантин с силовым дыханием Ибуки многопланово реализуется фундаментальный принцип «единства тела, техники и духа». Ката олицетворяет оптимальную устойчивость и защищенность всецело собранного в компактной стойке и в экономных перемещениях тела. В школе Кёкусинкай традиционно практикуется проверка крепости всех позиций в ката Сантин и способность держать различные удары по телу. С формой двойной защиты в стойке сантин генетически связана оптимальная для контактного стиля каратэ боевая стойка Кёкусинкай. Сантин являет собой комбинацию взаимосвязанных «позиций силы» и «треугольников силы» на разных уровнях «формы», которые реализуются в защите и атаке, в прямолинейных и круговых движениях. Сантин наглядно выражает принцип дыхательного контроля – основного «секрета» воинских искусств. С правильным дыханием непосредственно связаны циркуляция энергии, ритм боевых действий, а также медитативная сторона боевой подготовки и феномен воинской йоги. Те же принципы реализуются и в варианте ката Сантин, исполняемом с Киай и со скоростью борьбы.

Традиционный взгляд мастеров на ката как на неиссякаемый источник информации, как на сокровищницу практических и универсальных знаний обусловлен весьма широкими представлениями и глубинным подходом к содержанию феномена. Исключительный интерес в этом отношении представляет концепция ханси Стива Арнейла, признанного эксперта в ката Кёкусинкай. Следуя наставлениям Масутацу Оямы и благодаря собственным поискам, он сумел довести исследование возможностей ката в области самозащиты до ясного осознания и сделал его доступным для понимания учеников. Данная концепция позволяет лучше понять закономерности организации традиционных «форм» и дает ключи для толкования их богатейшего содержания применительно к искусству самозащиты.

Есть несколько приметных вех, позволяющих уверенно ориентироваться в ката – обширной и неоднородной области наследия традиции Будо-каратэ.

Во-первых, все, даже самые малые, элементы техники в ката имеют многоцелевое назначение, они многофункциональны и часто взаимозаменяемы:

(а) удары - это одновременно блоки и способы освобождения от захватов;

(б) блоки - это тоже и удары, и способы освобождения от захватов;

(в) многофункциональные элементы техники фактически доведены до неких универсальных формул ведения боя, которые рассчитаны на адекватное спонтанное реагирование в постоянно меняющихся условиях самозащиты.

Во-вторых, и удары, и блоки, и отдельные приемы освобождения от захватов имеют широкий спектр применения в самозащите. Они позволяют воздействовать на болевые точки, жизненно важные органы (ударами, давлением), выполнять броски, приемы болевого контроля, удушения и т.д. Технические действия сочетаются с перемещениями, которые предоставляют целый веер возможностей для тактических маневров в различных ситуациях самозащиты, увеличивая вариативность и, соответственно, повышая эффективность боевых приемов.

В-третьих, принципиально важно, что военно-прикладное значение имеют не только законченные движения, которые отождествляются с конкретными ударами или блоками. В самозащите реально используются даже их отдельные элементы и фазы, которые позволяют перехватывать инициативу и могут стать отправными точками для развертывания целой серии боевых приемов. Прибегая к компьютерной аналогии, можно сказать, что эти многочисленные отправные точки – своего рода «ссылки», позволяющие входить в обширные «приложения», содержащие дополнительную информацию. Доступ к соответствующим знаниям мастера-наставника открывают ученикам по мере их готовности в техническом и духовном отношении.

В-четвертых, ката отличаются большой «плотностью» информации из-за того, что различные технические элементы комбинируются не только последовательно, но и одновременно. Это вдвое и даже в большее число раз увеличивает объем информации, сконцентрированной в определенной единице времени. При этом единовременное сочетание разных техник может быть и лишено того практического смысла, который порой искусственно вкладывается в «бункай» подобных комбинаций.

В-пятых, специфика ката как условного боевого танца допускает иногда стилизованное воспроизведение реальных приемов и нормативной техники, где изменена форма и возможен пропуск важных деталей и фаз движения. Такова, например, «художественная» стилизация «мельницы», катагурума, из ката Сэйентин. Иногда отдельные ритуализованные элементы ката получают весьма специфическую трактовку. Оказывается, что позиция раскрытых рук с отведенными в сторону большими пальцами, образующая при их известном соединении символическую фигуру Канку (в начале и перед заключительной группой комбинаций) имеет еще прикладное значение. При воспроизведении данной позиции в одной руке ее можно использовать как измерительный прибор – своего рода «циркуль» для пошагового определения множества болевых точек на теле человека. О такого рода условностях и особых знаниях, закодированных в ката, обычно мастера-наставники в нужное время сообщают в устной форме.

В-шестых, в ката каратэ, олицетворяющего искусство «пустой руки», есть множество намеков и подсказок, касающихся возможностей защиты от вооруженного нападения. Таков, например, блок стопой от тычкового удара шестом в лицо в Пинан 5. Есть и реальные

предпосылки для ведения боя с различными видами оружия. В ката Тэнсё, например, основные движения идеально отвечают специфике ножевой техники. Практически неисчерпаемыми оказываются даже такие внешне простые «формы», как Тайкёку или Сантин, не говоря уже о высших ката и солидном комплексе ката Кёкусинкай в целом. По свидетельству ханси Стива Арнейла, Масутацу Ояма говорил: «требуется полжизни, чтобы выучить «текст» ката и еще полжизни, чтобы понять их».

В действительности и одной жизни оказывается мало. Поэтому каждое поколение мастеров совершает свои открытия в трактовках традиционных «форм». Постигание глубинного содержания ката выходит далеко за рамки применения закодированных в них боевых приемов, сколь бы многочисленными они не были. Ката ведут адепта Будо-каратэ в безграничную область самопознания и самореализации, в область психорегуляции и того, что называют воинской йогой.

Первоосновы такой йоги в процессе обучения закладываются исподволь и постепенно выводятся в план осознания. Обучение технике изначально связано с освоением элементарной психотехники. Она позволяет активизировать скрытые силы организма, помогает собирать воедино все части тела. Традиционные методики помогают прочно связывать руки с туловищем, а туловище – с ногами, контролируя напряжения мышц в области плечевого пояса, живота, ягодиц. Благодаря этому открывается путь к эффективному использованию боевой техники, а также к искомому единению «тела, техники и духа». Последнее, в свою очередь, способствует овладению правильным дыханием и развитию способности спонтанно переходить в трансовые состояния сознания, что и отличает подлинных мастеров. «Печатами» сознания таких мастеров, как уже отмечалось, и являются традиционные ката.

Фундаментальный принцип «единства тела, техники и духа» в воинских искусствах реализуется и в практике самозащиты, и в методах обучения, включая исполнение ката. Классическим примером может служить уже упоминавшееся ката Сантин, где в концентрированном виде закодированы основополагающие принципы каратэ. Очевидно, что полноценная передача традиции Будо-каратэ без ката была бы невозможна. Поэтому и изучение самих ката должно быть полноценным и осмысленным. В идеале освоение ката предполагает **органичное сочетание технически верного и одухотворенного исполнения отдельных «форм» с углубленным пониманием общих для всех ката первопринципов.**

Традиционный позитивный подход к ката закономерно ведет к пониманию сущности феномена ката в Будо-каратэ. **Ката – это уникальная форма обобщения опыта мастеров, надежный и эффективный способ изустной передачи школы воинского искусства от учителя к ученику, существенный фактор образования адептов Будо-каратэ, роста их мастерства и духовной реализации на воинском Пути.**

Москва, ноябрь 2008 г.

В.П. Фомин